

Ужин пришёл! — Цинь Сяокэ с подносом в руках вошёл в комнату, изображая приятное удивление. Однако никто из присутствующих даже не поднял на него глаз.

Цинь Сяокэ надул губы, отчетливо чувствуя царящую в комнате неприятную, можно даже сказать, тяжёлую атмосферу. Он поставил поднос на стол, подошёл к кровати и мягко сказал Су Сичэню:

— Поешь немного, малыш ведь уже проголодался!

Су Сичэнь кивнул, но любой бы заметил, что есть на самом деле ему совсем не хочется. Тем временем Цинь Сяокэ уже установил на кровати небольшой столик и расставил на нём еду.

Ужин, который Цинь Сяокэ приказал приготовить повару, оказался на редкость богатым: куриный бульон, тщательно очищенный фильтром от малейших следов жира — хотя Су Сичэня больше не мучил токсикоз, он всегда не любил слишком жирную пищу; шпинат; лосось; нежнейший, тающий во рту морепродуктовый суп... Всё это было любимыми блюдами Су Сичэня, и Цинь Сяокэ прекрасно это помнил.

— Ешь скорее! А то остынет и станет невкусно. У тебя есть силы в руках? Или мне покормить тебя? — Цинь Сяокэ явно основательно подготовился к роли сиделки.

— Спасибо... — Су Сичэнь шмыгнул носом, и слёзы невольно потекли по его щекам, падая на простыню и оставляя на ней маленькие влажные пятна.

Такие внесённые слёзы застали Цинь Сяокэ и Гу Ичэня врасплох. Они хотели утешить его, но совершенно не понимали, почему он плачет. Больше всего пострадал ни в чём не повинный Цинь Сяокэ: он всего лишь сказал пару слов, причём слов заботы, а человек из-за этого расплакался.

Гу Ичэнь посмотрел на него. В его глазах читались подозрения вперемешку с задумчивостью — казалось, он пытался выяснить, не скрывают ли Цинь Сяокэ и Су Сичэнь от него что-то.

Цинь Сяокэ же был совершенно невиновен и мог лишь беспомощно развести руками. Ладно уж, заварил кашу — самому и расхлёбывать. Он похлопал Су Сичэня по плечу:

— Я... я сказал что-то не то? Прости, пожалуйста, я не со зла.

Су Сичэнь лишь покачал головой, а слёзы продолжали капать. Он просто вспомнил своего отца-омегу. Почему даже посторонние люди так заботятся о нём, а ты за столько лет ни разу не пришёл навестить меня?

Ему показалось, будто он снова вернулся в ту ночь пятнадцатилетней давности, когда сидел на корточках на земле и считал секунды, ожидая, пока папа придёт за ним. Или превратился в ребёнка, который вглядывался в даль из окна и беззвучно шевелил губами, отсчитывая цифры.

За эти почти семь с лишним месяцев он один за другим пережил предательство отца и брата, принудительную течку, неожиданную беременность и известие о том, что после родов больше никогда не увидит своего ребёнка. Столько всего выпало на долю омеги, который по возрасту вовсе не должен был нести такой груз. Но ему оставалось лишь молча сносить всё это, не имея даже права на выплеск чувств. Вдобавок к вчерашнему ночному кошмару и всё ещё тяжёлой, затуманенной голове, ему ужасно хотелось дать выход накопившимся эмоциям. Су Сичэнь словно на мгновение вернулся в раннее детство, в те времена, когда он жил с папочкой. Пусть этот период был совсем коротким, и он уже почти ничего не помнил, но воспоминания грели ему душу.

— Я ведь и так был послушным, почему ты всё равно бросил меня? Почему? Почему? Почему?

— Су Сичэнь выглядел так, будто обращался к кому-то другому, но на самом деле он спрашивал самого себя — просто нашёл повод дать волю своим чувствам.

Гу Ичэнь вдруг вспомнил ту ночь, когда Су Сичэнь «ударился о стену»: когда он нёс его к постели, чтобы уложить, тот бормотал что-то очень похожее. Неужели в семье Су к нему плохо относились? Вряд ли, иначе с чего бы ему соглашаться на суррогатное материнство для него! Су Чжэнсуй ведь сам сказал, что тот вызвался добровольно!

— Ни... никто тебя не бросал... — Цинь Сяокэ успел произнести лишь половину фразы, как Су Сичэнь перебил его:

— Вы все меня не любите, но я ведь всегда был послушным и хорошим, почему вы вечно меня не любите? Что я вообще сделал не так?

Цинь Сяокэ растерялся от такого вопроса, не зная, что и ответить, и был вынужден бросить на Гу Ичэня взгляд, полный мольбы о помощи:

— Босс! Живей давай, я больше не могу! Гу Ичэнь всё ещё терзался сомнениями, как вдруг окрик Цинь Сяокэ вывел его из задумчивости. Поразмыслив немного, он подошел, заключил Су Сичэня в объятия и прижал его голову к своей груди, в то место, где билось сердце.

— Ты у нас самый послушный, тебя просто не может никто не любить. К тому же, у тебя есть мы, не бойся, я буду рядом.

Су Сичэнь растерянно смотрел на него, а в ушах отдавался гулкий и сильный стук его сердца: тук-тук-тук. Его личико было сплошь покрыто слезами, а глаза покраснели и опухли от плача.

Гу Ичэнь погладил его по голове.

— Ничего страшного, всё уже позади. Ложись спать, а когда проснешься, от этого кошмара не останется и следа.

С этими словами он бережно уложил Су Сичэня на кровать, выпуская свои феромоны, чтобы успокоить его. Он мягко прикрыл мальчику веки рукой:

— Спи, тебе приснится прекрасный сон.

Поддавшись чарующему голосу Гу Ичэня, Су Сичэнь постепенно погрузился в сон...

Во сне какой-то мужчина держал на руках крошечного младенца и, звучно причмокивая губами, забавно чмокал воздух, пытаясь рассмешить малыша.

Младенец был в полном восторге от отцовских забав: его пухленькие ручки, похожие на перевязанные ниточками стебли лотоса, радостно взмахивали вверх-вниз, а комнату наполнял залиvistый смех.

Увидев это, мужчина с нежностью прижал ребенка к груди и легко прикоснулся своим лбом ко лбу малыша. В этот миг каждый из них увидел в глазах другого собственное отражение, и оба улыбнулись. Теплые чувства между отцом и сыном тихо и незаметно струились в этих простых движениях...

В реальности же погрузившийся в глубокий сон Су Сичэнь вдруг трогательно улыбнулся. Когда Су Сичэнь снова проснулся, наступило утро следующего дня. Сквозь оконное стекло пробивались лучи рассветного солнца и рассеивались по столу у окна. Выспавшись и избавившись от головокружения, Су Сичэнь сладко потянулся и блаженно протянул: — М-м-м...

Ты проснулся? Су Сичэнь не заметил, что Цинь Сяокэ находился прямо здесь, в комнате.

— Угу! Чувствую себя намного лучше.

И правда, сейчас он выглядел совершенно бодрым и посвежевшим, составляя яркий контраст с Цинь Сяокэ, у которого глаза были сплошь иссечены красными прожилками.

Цинь Сяокэ зевнул: — Ну и славно, а то я чуть со сна не помер.

Су Сичэнь почувствовал себя немного неловко: заболел-то он сам, а в итоге доставил столько хлопот другим.

— Прости, побеспокоил тебя, пришлось за мной ухаживать.

— Пустяки, я еще держусь!

Заметив, как сильно у Цинь Сяокэ запали глаза, Су Сичэнь слегка удивился: — Главное — это старший. Он почти не спал все эти дни. Только что увидел, что ты еще спишь, сказал, что ему нужно съездить в компанию по делам, и попросил меня позвать его, как только ты проснешься.

Я разве уже просыпался один раз? И тогда... я случайно не при тебе ли?..

Су Сичэнь смутно припоминал, будто ему снился его папа, и он, кажется... плакал? Тогда он не придавал этому особого значения, но теперь, проснувшись и вспомнив об этом, он был готов со стыда сгореть.

Тем более, если бы об этом узнал только Цинь Сяокэ. А если бы «он» тоже был там?.. Э-э, Су Сичэнь даже думать об этом не хотел...

— Ага, ты тогда так сильно расстроился, как я тебя ни утешал — ничего не помогало, — Цинь Сяокэ примостился в ногах кровати. Из-за сильнейшего недосыпа за последние дни ему тоже не помешало бы выспаться.

— Спасибо тебе! — в душе Су Сичэня промелькнула радость. Как хорошо, слава богу, кажется,

«он» ничего не знает.

Наивный, он даже не догадывался, что за всё время его болезни Гу Ичэнь находился рядом практически ни на шаг не отходя. Впрочем, о некоторых вещах порой и правда лучше не знать.

На самом деле Су Сичэнь и сам толком не помнил, что именно наговорил — в конце концов, у заболевшего человека мысли работают не слишком ясно. Но он знал одно: стоило заговорить о его омеге-отце, как он начинал рыдать так, что людям стыдно показаться на глаза, и ему совсем не хотелось, чтобы кто-то узнал об этом не самом приятном прошлом.

— Угу... — из носа Цинь Сяокэ вырвалось нечто вроде сонного мычания. Поднявшись с постели и увидев, что тот уже спит, Су Сичэнь укрыл его одеялом, умылся и спустился вниз.

Казалось, он не был здесь целую вечность, хотя прошло всего-то два дня. Су Сичэнь направился на кухню, чтобы налить себе стакан воды.

Зажав в руке стакан, он вышел в гостиную и увидел высокую фигуру, стремительно шагающую от входной двери — это был Гу Ичэнь. Су Сичэнь вдруг почувствовал нечто странное: словно внезапная пустота в его сердце только что заполнилась. Он помотал головой, подумая про себя: неужели от болезни у него и мозги набекрень поехали?

— Ты проснулся? — увидев его в гостиной, Гу Ичэнь на мгновение изменился в лице, но тут же взял себя в руки и вернул привычное холодное выражение. Достав телефон, он проверил его — пропущенных вызовов не было. — Где Цинь Сяокэ?

— Спит. Похоже, сильно устал. А что такое?

Гу Ичэнь сунул телефон обратно в карман брюк, его тон остался беспристрастным: — Ничего. Как себя чувствуешь?

— Отлично, спасибо, что позаботились обо мне.

Оба говорили излишне вежливо, и глядя на них, было совершенно невозможно признать пару, чьи метки уже были поставлены.

— Не за что, — Гу Ичэнь нахмурился. — Я наверх, есть еще дела.

Су Сичэнь кивнул и вдруг вспомнил слова Цинь Сяокэ: — Ты тоже иди отдохни! Малыш будет переживать за папочку.

— Я понял, — Гу Ичэнь с нежностью взглянул на его живот и поднялся наверх.

Наверху, в собственном кабинете, Гу Ичэнь находился совершенно один в просторном помещении. Он долго вглядывался в лежавший перед ним отчет, словно о чем-то размышляя.

Вчера вечером, услышав бред Су Сичэня во сне, он приказал навести справки о его прошлом, особенно о ситуации с его кровными родителями. Однако полученные сведения гласили лишь то, что в детстве его бросили в приюте, и только в восемь лет Су Цзяньхун, то есть его альфа-отец, забрал его оттуда домой.

И все же Су Сичэнь ни в коем случае не походил на человека, которого бросили сразу после рождения. Если это так, откуда тогда взялись те слова во сне? Гу Ичэнь не мог этого понять. Он доверял оперативности своих людей, а человек, способный закрыть небо одной рукой в

городе С, по идее, должен был знать абсолютно всё.

Тогда оставался лишь один вариант — Су Сичэнь лгал.

При этой мысли Гу Ичэнь перестал постукивать пальцами по столу, и его взгляд, устремленный на папку с документами, наполнился угрозой. Если дело обстоит так, то этот человек... чертовски расчетлив.

Гу Ичэнь почесал подбородок, на котором уже пробилась короткая щетина. Но как ни посмотри, парень вовсе не казался таким человеком! Стоило этой мысли появиться, как Гу Ичэнь сам испугался собственного суждения. С каких это пор он стал так легко доверять другим?

Уж не хитроумная ли это ловушка семьи Су?

Он презрительно усмехнулся: смелости им не занимать. Вспомнив недавнюю заботу Су Сичэня, Гу Ичэнь подумал, что после рождения ребенка ему придется принять кое-какие меры...

<http://bllate.org/book/21225/2147697>